

Булдаков и Леонтьева пронизательно связывают сложный комплекс культурных проявлений патернализма с усиливающимся давлением обстоятельств на революционное государство, заставлявшим его вмешиваться в социальную, экономическую и политическую жизнь России. Коренящийся в православных традициях, семейных и общественных отношениях, структурах аграрного производства, а особенно в авторитарных методах царского управления патернализм формировал ожидания, значительно превосходившие реальные возможности власти. При этом и до революции местные администраторы различного уровня то и дело нарушали распоряжения центра, а в центре редко были достаточно хорошо осведомлены о ситуации на местах, больше заботясь об опасностях политического инакомыслия и социальных волнений, нежели о нуждах населения. Вместе с тем многие влиятельные официальные лица остро ощущали риски, связанные с включением общества в обеспечение его насущных потребностей, видя в этом опасность для самодержавия, стабилизировавшего, по их мнению, основания режима. Характерно, что реакция в такой же степени была обусловлена эмоциональными переживаниями, как и ожидание перемен.

Под давлением обстоятельств военного времени царизм усиливал традиционный патернализм и увеличивал бытовую и эмоциональную зависимость людей от государства, в какой-то мере предвосхищая то, что составит ядро коммунистической диктатуры: всеильное государство, призванное удовлетворить все справедливые социальные нужды. Это во многом объясняет не только то, почему и как война и революция привели к установлению большевистской власти, но и то, как большевикам удалось сравнительно быстро потушить пожар разрушения и затмить последствия катастрофы празднованиями. Нельзя не согласиться с Булдаковым и Леонтьевой в том, что русская революционная политика представляла собою трагедию конкурирующих невозможностей.

Фёдор Гайда: Обратная сторона русского мессианства

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia):

The reverse side of Russian messianism

Фундаментальное и новаторское исследование В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой посвящено восприятию Первой мировой войны в российском обществе и тем психологическим процессам и явлениям, которые были с ней связаны и до сих пор ещё мало изучены. Страна переживала тогда неслыханные прежде изменения: индустриализацию, урбанизацию, кризис сословного строя, революционные перемены в политической сфере. Массовое сознание напоминало о себе всё сильнее и сильнее, сталкиваясь в 1914–1918 гг. с кризисом как традиционных, так и – несколько позднее – вестернизаторских, модернизационных стереотипов. Своеобразным символом происходившего стала императрица Александра Фёдоровна, пострадавшая и за стремление быть слишком русской – её обвинили в связи с «сибирским мужиком», и за попытку изменить образ недостижимого величия, служа вместе с дочерьми в лазарете. То и другое пришлось не по вкусу образованной публике (с. 408–409).

Авторы книги придерживаются «заезженного», но совершенно верного подхода, пропуская через человеческую природу все исторические явления и процессы (с. 7). Только так и возможно понять перспективы их дальнейшего развития, особенно если речь идёт о переломном времени.

Размышляя о массовом сознании и человеческой психологии, Булдаков и Леонтьева анализируют прежде всего источники личного происхождения. При этом ими введён в научный оборот значительный массив архивных документов, среди которых особый интерес представляют дневники и переписка, в том числе — материалы перлюстрации, сохранившиеся в делопроизводстве Департамента полиции (ГА РФ, ф. 102). Полиция, естественно, интересовалась прежде всего негативными оценками происходившего в стране, но это лишь облегчает авторам монографии выявление различных форм девиантности, которые позволяют судить об общих тенденциях ушедшей эпохи. Впрочем, смешивать реальность психологическую и социальную всё же не стоит. Нельзя, например, делать вывод о развале российской промышленности к началу 1917 г. на основании одного панического письма из Екатеринослава (с. 195).

Обращаясь к причинам общеевропейской катастрофы «короткого XX века», Булдаков и Леонтьева указывают на имперские амбиции, демографический перегрев, развитие техники и т.п. В этом же ряду, быть может, слишком осторожно, почти вскользь упоминается и феномен национализма (с. 10—11). Между тем предыдущий «долгий XIX век», начавшись националистическим порывом Великой французской революции, закончился тем, что национальным государствам и движениям в Европе стало слишком тесно. Не случайно авторы пишут про германский «милитаризм снизу» (с. 27). Старая Европа жила дипломатическим балансом, «равновесием», поддерживать которое, как правило, приходилось монархам и представителям аристократии. Сформировавшиеся же «нации» были полны боевого задора и спешили решить старые вопросы раз и навсегда. Известный в будущем философ-экзистенциалист М. Шелер (перешедший в католичество сын немца-протестанта и еврейки) в начале войны требовал отеснить Россию от Балтики и Чёрного моря (с. 35), т.е. лишить её не только статуса великой державы, но и внешнеполитической самостоятельности. Невероятная решимость создавала новые глобальные проблемы, в том числе англо-германское соперничество, от выпячивания которого в качестве основной причины войны авторам книги так хотелось уйти (с. 14).

Как констатируют Булдаков и Леонтьева, большую войну в Европе ждали давно. Именно со столь долгим ожиданием связана её «неожиданность»: ставшее привычным состояние предчувствия, с которым уже смирились, закончилось в одночасье. Тем интереснее изучение предвоенных прогнозов будущего конфликта. Точную по своему предвидению записку П.Н. Дурново обойти в данном случае совершенно невозможно, но были и иные примеры. Опубликованная в Петербурге в 1912 г. анонимная фантастическая книга «Европа в огне» в каком-то смысле также оправдала себя: по мнению её автора, в результате неудач в войне с Германией и Австро-Венгрией Россия должна была поменять политический строй, однако затем агрессоров ожидало поражение от Франции и балканских государств (с. 28—29).

Булдаков и Леонтьева отмечают распространённость среди российских военных «ура-патриотических» настроений, хотя и признают, что в сложившихся обстоятельствах это вполне соответствовало общественным ожиданиям (с. 17, 27). На самом деле в правительственных кругах империи к перспективе большой войны относились скорее настороженно. На фоне тогдашней воинственности общества «ура-патриоты» из военного ведомства смотрелись весьма скромно. 23 марта 1913 г., в разгар Первой Балканской войны, министр иностранных дел С.Д. Сазонов пригласил на «чашку чая» представителей всех

либеральных фракций Думы. После долгих рассуждений главы внешнеполитического ведомства о сложности международной обстановки председатель Думы М.В. Родзянко задал ему неожиданно прямой вопрос: «А нельзя ли нам теперь Проливы хапнуть?»¹⁴. На следующий день, когда Сазонов принял правых, националистов и октябристов, все депутаты продемонстрировали недовольство слишком осторожными действиями МИД на Балканах¹⁵. За восемь месяцев до знаменитой статьи военного министра В.А. Сухомлинова октябристский «Голос Москвы» писал: «Мы неоднократно отмечали различные дефекты нашего военного ведомства, мы и теперь не можем согласиться с тем, что там всё обстоит благополучно, но справедливость требует сказать, что многое уже сделано... Россия впервые за долгие годы оказалась *готовую* (подчёркнуто в тексте. — *Ф.Г.*) встретить надвигающуюся грозу во всеоружии народных сил»¹⁶. После капитуляции Болгарии во Второй Балканской войне в июле 1913 г. на «славянской трапезе» с участием правых, националистов и октябристов была составлена телеграмма, призывавшая правительство овладеть Проливами, заставить Румынию отвести войска из Болгарии и пригрозить Австро-Венгрии оккупацией Галиции¹⁷. 14 июля 1914 г., через три дня после австро-венгерского ультиматума Сербии, А.И. Гучков в письме к Сазонову призывал МИД не предавать братьев-славян¹⁸. Как в этой обстановке, усугублявшейся русско-германской газетной войной, должен был держаться Сухомлинов? Признание слабости России не отдаляло, а скорее приближало бы военную развязку.

Авторы книги не могли не высказаться по поводу споров о причинах поражения России в войне. Булдаков и Леонтьева решительно выступают против всех «патриотических» и «конспирологических» мифов, согласно которым Россия могла выстоять в конфликте, но этому помешали политики-демагоги, масоны, германские или британские шпионы и проч. — тут можно выбирать или, напротив, объединять их всех в гремучую смесь (с. 5), смахивающую на зло вселенского масштаба. Но, как ни парадоксально, эти «теории» являются изнанкой идей, возникавших в оппозиционной среде ещё в период войны. Те же члены Прогрессивного блока были уверены, что Россия не может одержать победу либо вследствие косности её государственного аппарата, либо из-за засилья «тёмных сил». 1 ноября 1916 г. Милюков, как известно, чётко сформулировал эту альтернативу: «Глупость или измена?». В ответ присутствовавший в думском зале лидер правых Н.Е. Марков спросил у кадетского оратора: «А Ваша речь — глупость или измена?». Таким образом, уже тогда сложились роковые формулы, возлагавшие вину за поражение России на чиновников, камарилью, политиканов или внешние силы. С тех пор исследователям не раз доводилось блуждать в этих четырёх соснах.

Вырываясь из данной системы координат, авторы книги выстраивают чёткую логическую связь событий. Обусловленное началом войны «эмоциональное перевозбуждение» российского общества постепенно вылилось в «моральное выгорание». В результате патерналистская государственная система, не справившаяся с решением текущих задач, утратила авторитет. Все ожидания элиты и масс оказались связаны с её устранением и созданием альтернативного утопического проекта (с. 384). При таком видении

¹⁴ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 921, л. 599.

¹⁵Новое время. 1913. 24 марта.

¹⁶Военное ведомство и Государственная дума // Русские ведомости. 1913. 13 июня.

¹⁷Свет. 1913. 13 июля.

¹⁸ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 1432, л. 1.

российская власть становится скорее жертвой глобальных событий. Однако авторы книги склоняются к мысли о том, что самодержавие само себя свергло (с. 434). Ведь в его ликвидации основное участие принимали государственные структуры (в первую очередь — Дума) и существовавшие по большей части на казённые средства общественные организации. Власти не смогли ни наладить распределение, что стало центральной проблемой экономики (с. 208—209, 213), ни создать информационно-пропагандистское обеспечение национального единства перед лицом врага. Иными словами, в экстремальных условиях правительственный аппарат империи проявил свою инерционность. Безусловно, тот, что был выстроен в СССР к началу Второй мировой войны, по всем этим параметрам вышел на порядок сильнее. Его субъектность уже никем не подвергалась сомнению.

По мнению Булдакова и Леонтьевой, революция произошла не вследствие невыносимости социальных тягот как таковых, а из-за краха связанных с войной ожиданий. Общественность не в состоянии была трудиться на благо победы: правые партии развалились, либералы боялись взять власть в свои руки, левые-оборонцы оказались слишком слабы (с. 371—372). Всё это в результате и спровоцировало бросок в утопию. Хотя, как показывают авторы монографии, утопистами являлись и те, кто пытался действовать во Временном правительстве (с. 455). Выходит, это качество было свойственно всем общественным силам, патологически зависимым от государства с его реалистичным подходом. Но тогда сильное государство становится исторической неизбежностью: его самоликвидация порождает смуту, единственный выход из которой — воссоздание государственности на более жёстком и прагматичном основании.

Особое место в книге Булдакова и Леонтьевой занимает церковная тематика. Как утверждают авторы, Российская империя будто бы упорно претендовала на звание Третьего Рима, а православная вера считалась его щитом (с. 221). Это отнюдь не бесспорно, поскольку, согласно распространённым религиозным представлениям, наоборот, империя и царская власть выступали опорой («катехоном») веры. Но, как бы то ни было, рассматриваемый в монографии вопрос об ответственности «российских конфессий» за катастрофу 1917 г. действительно имеет большое значение. Православная Российская Церковь не помешала революционным процессам. Булдаков и Леонтьева объясняют это жёстко иерархизированной и бюрократизированной церковной структурой (с. 221, 279). Недовольство этим высказывала и интеллигенция, ушедшая из Церкви под влиянием литературы (с. 266). «Казённая» Церковь не могла также бороться с ростом предрассудков в народной среде, которые в конечном счёте обернулись революционной верой (с. 279). Однако церковное управление в России ещё до Петра было полностью встроено в государственное. В странах Северной Европы со схожей системой церковно-государственных отношений официальные структуры религиозных общин и конфессий политически были столь же слабы (их предназначение заключалось не в этом), секуляризационные процессы там происходили в том же направлении, но срыва в утопию не произошло. Так ли велико тогда значение собственно структурных проблем? И что имеют в виду авторы монографии, когда пишут о возможности появления веры «на основе сознательной гражданственности» (с. 511)?

Состояние Церкви накануне революции изображается в книге в мрачных тонах, а авторские оценки во многом соответствуют часто цитируемым

мемуарам протопресвитера Г. Шавельского, склонного к резким и нелюбимым высказываниям. При этом не учитываются более взвешенные и менее пристрастные взгляды, выраженные в ряде современных работ по истории Церкви¹⁹. Впрочем, в некотором уточнении нуждаются не только оценочные суждения, но и используемые термины: «схизматики» превратились в тексте в «схимников» (с. 499), «архиереи», которые почему-то именуется «отцами церкви» (с. 502) — в «иереев» (с. 498, 503, 506).

По словам авторов, духовенство не ожидало, что его сочтут опорой «прежнего порядка» (с. 498). Между тем думское большинство с 1910 г. вело жёсткую критику «синодальной бюрократии», архиереи открыто обвинялись в «распутинстве», в борьбе против Синода либералы поддерживали и мятежного иеромонаха Илиодора (Труфанова), и афонских имяславцев. III Дума добивалась выведения из юрисдикции духовного ведомства церковно-приходских школ. К 1917 г. консервативно настроенные священнослужители находились в политической изоляции. Авторы монографии пишут, что либералы никогда не выступали за отделение Церкви от государства (с. 614), но именно об этом говорила ст. 2 программы кадетской партии. А после Февральской революции в этих кругах звучали заявления о том, что Церковь — лишь одна из общественных организаций²⁰.

Церковь в 1917 г., вопреки мнению авторов книги (с. 279), не обрела реальной самостоятельности. Революционный обер-прокурор В.Н. Львов диктовал свою волю Синоду (с. 503, 508–509). «Церковную бюрократию» новая власть воспринимала как одну из потенциально контрреволюционных сил²¹. Обвальная демократизация в рамках «церковной революции» не «освобождала» клириков и мирян, а лишь усугубляла кризис приходской и епархиальной жизни. Временное правительство, заинтересованное в либерализации устройства Церкви, поддерживало эти процессы. На Поместном соборе они могли бы достичь кульминации, но обстоятельства сложились иначе: большевики быстро поменяли настроения верующих.

Общая тональность книги отличается остротой и хлесткостью. В ней можно встретить рассуждения о «природных холуях» (с. 416), о революции как «бабьем бунте» (с. 699), заявления о том, что «миром управляют идеи, а Россией — лозунги» (с. 478). Похоже, подобные утверждения являются оборотной стороной того самого русского мессианства, которое столь усердно бичуют авторы. Poleмика с «мифологизаторами» часто напоминает обмен риторическими ударами. Однако в целом известная публицистичность

¹⁹ См.: *Ореханов Г., иерей*. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; *Гайда Ф.А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 16–24; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2. С. 23–37.

²⁰ *Гайда Ф.А.* Русская политическая общественность... С. 23–24.

²¹ *Гайда Ф.А.* Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.). Материалы. М., 2012. С. 66–69.

и полемичность авторов не только не вредит научному анализу темы, но и придаёт ему широкое общественное звучание.

Сергей Войтиков: Империя в системном кризисе

Sergey Voitikov (Central state archive of Moscow city, Russia): The crisis-ridden Empire

Ещё в 1996 г. В.П. Булдаков и П.В. Волобуев указали на необходимость «рассматривать и революции 1917 г., и Гражданскую войну как часть системного кризиса империи»²². Именно так этот период и исследовался Булдаковым в дальнейшем. Написанная вместе с Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию», «Красная смута» и «Утопия, агрессия, власть» представляют собой своего рода трилогию — исследование-эпопею, посвящённую смутным годам нашей новейшей истории²³. Название книги Булдакова и Леонтьевой несколько уже её содержания. Речь в ней идёт не только о том, как «недовольство бессмысленной и бесперспективной войной легко трансформируется в ненависть к тем, кто на неё послал» (с. 538), но и о восприятии современниками военных и революционных обстоятельств столетней давности (с. 7).

Авторы представляют происходившее в годы Первой мировой войны как паноптикум вселенского масштаба, следствие тотального «поглупения» Европы (с. 10). Полагая, что «даже с учётом перспективы внутренней дестабилизации активное подключение России к мировому конфликту нельзя безоговорочно считать роковым актом, приведшим её к пропасти», ибо «всё зависело от гибкости системы, её способности сделать рывок в сторону модернизации, т.е. сбалансировать динамику развития с учётом потребностей войны», Булдаков и Леонтьева ставят перед собой амбициозную цель: «Задача историка — не только рассказать о событиях, но и показать, что таилось за их видимой поверхностью. Он обязан разглядеть то, что невозможно было увидеть его “героям”, а не тащиться в хвосте благоглупостей прошлого» (с. 20).

Констатируя, что «Европа уже давно — едва ли не со времён франко-прусской войны — балансировала на грани военного конфликта» (с. 14), авторы монографии не склонны объяснять столкновение великих держав их экономическим соперничеством или «сводить всё к непримиримости геополитических интересов Германии и Великобритании», хотя, «несомненно, судьбу Европы определяло поведение» именно этих государств. Со своей стороны, Булдаков и Леонтьева отмечают, что «даже малые страны и народы, эгоистично мечтавшие о собственных выгодах от мирового конфликта, смогли сыграть в развязывании войны непропорционально большую роль». Вообще же «судьбу войны и мира решил Его Величество Случай» (с. 14).

Вместе с тем, как полагают авторы монографии, «в том, что война смогла состояться, Российская империя сыграла немалую роль самим фактом своего существования» (с. 11). Как, впрочем, и Австро-Венгрия. Размышляя о Сараевском убийстве, авторы пишут: «То ли “случайная трагедия”, то ли “трагическая случайность” породила глобальный *casus belli*: проснулись имперские амбиции Австро-Венгрии, а Россия, отступив, одновременно

²² Булдаков В.П., Волобуев П.В. Октябрьская революция: Новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 29.

²³ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 (изд. 2 — М., 2010); Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть...